

Обожаю Стивена Кинга. Он пугает меня до усрачки. А еще я очень люблю Джулиана Барнса — и это совсем, совсем другое дело.

Дэвид Боуи

Барнс всегда умен, часто оригинален и неповторимо ироничен. «Элизабет Финч» даст читателю немало пищи для размышлений — практически каждой своей фразой.

Уилл Селф (The Times)

Уникальная история одержимости загадочной преподавательницей — и фигурой Юлиана Отступника.

Daily Mail (Books to Look Out For 2022)

Джулиан Барнс всегда больше напоминал французского философа, чем британского писателя. И его новый роман «Элизабет Финч» — куда больше, чем просто роман: это еще и философский трактат обо всем на свете — монотеизме и язычестве, жизни после смерти, цензуре и моногамии, романтизме и стоицизме.

Catholic Herald

«Жалость к собственной персоне была чужда ей, как никому. Она понимала, что мир несправедлив, и считала наивным любого, кто этого не видит. Отсутствие жалости к себе было частью ее стоического отношения к жизни». Думаете, так Барнс про Элизабет Финч говорит? А вот и нет: это из некролога, написанного им в 2016 году Аните Брукнер — писательнице, историку искусства, его старому другу. Но это и абсолютно точное описание героини его нового романа.

Элизабет Финч ведет курс под названием «Культура и цивилизация» на вечернем отделении одного из лондонских университетов. Она не собирается пичкать своих студентов фактами: «Лучшая форма обучения, — утверждает она, ссылаясь на древних греков, — это сотрудничество». Также она цитирует Тургенева: «Будьте приблизитель-

но довольны приблизительным счастьем. Несомненно и ясно на земле только несчастье».

«Ясность видения, ирония, острый ум, понимание человеческой природы» — таковы сильные стороны Элизабет Финч. А также самого Барнса. И может быть, Юлиана Отступника? Уж точно — Аниты Брукнер, получившей Букеровскую премию за роман «Отель „У озера“», в котором перечисленных достоинств — с избытком.

Новый роман Барнса — дань памяти его старому другу, но вдобавок это роман-загадка: интеллектуальный, философский детектив. А еще — вернее, в первую очередь — это исследование любви во всех ее формах, не только романтической.

The Sydney Morning Herald

Как это часто происходит с изящной (во всех смыслах) прозой Барнса, читатель постепенно вынужден усомниться в своих первых впечатлениях, в очевидных выводах, да и в самих событиях, как будто составляющих базовую сюжетную канву. Исследуя поворотную точку всей человеческой истории и культуры, Барнс мастерски препарирует мучительные потоки праведного негодования, что захлестывают нас со всех сторон.

Financial Times

Актер-неудачник и бывший официант, претендующий на нечто большее в интеллектуальном плане, — Нил пополнил собой галерею типичных барнсовских рассказчиков: как правило, они достаточно умны, чтобы осознавать, как мало понимают других людей, но никогда не умны настолько, чтобы осознать, как мало понимают сами себя.

Literary Review

Своего рода смесь художественной прозы и эссеистики, а именно такого рода гибриды удаются Барнсу лучше всего. Как обычно у Барнса, это роман идей, предъявляющий к читателю довольно высокие требования. Героиня, Элизабет Финч, ведет в лондонском университете вечер-

ний курс «Культура и цивилизация». Она не пичкает своих студентов фактами и датами, а пытается приучить их (и читателя) думать — об искусстве, роли случайности в истории, личной ответственности, рабстве, счастье, любви. Например: должно ли искусство подражать реальности? Копировать реальность? Служить высшей заменой реальности?

Radio New Zealand

Каждой своей новой книгой Барнс будто меняет правила игры. Чтобы толком понять «Элизабет Финч», ее необходимо прочесть как минимум дважды. Это роман-кроссворд, — вероятно, даже позаковыристей, чем «Попугай Флобера».

Oldie

Бескомпромиссный роман, искренне прочувствованный гимн жизни ума — ну и плюс фирменная барнсовская ирония. К сюжетным хитросплетениям и психологической глубине здесь добавляются неоднозначность самих идей, анализ силы исторического заблуждения.

Times Literary Supplement

Сердцем романов Барнса часто служат воспоминания о прошедших событиях, о давних отношениях — и никто другой не умеет так тонко передать всю хрупкость нашей памяти, даже когда речь идет о самых важных событиях нашей жизни и самых близких людях. Вот и здесь Нил вспоминает свою бывшую преподавательницу Элизабет Финч со всеми ее причудами, пытается проанализировать тот эффект, который она на него оказала, но его внимание как биографа то и дело рассеивается, переключается на него самого. Эмоциональный пейзаж рассказчика занимает нас не меньше прихотливой сюжетной канвы, а исторические воззрения героини анализируются с той же вдумчивой легкостью, что характеризует искусствоведческие статьи Барнса (сборник «Открой глаза»). Как ни крути, «Элизабет Финч» — один из лучших его романов.

NewsChain

Центральная и самая захватывающая часть романа посвящена исторической фигуре, в которой Элизабет Финч видела родственную душу, — Юлиану Отступнику. Не книга, а триумф эрудиции, гимн тому типу мировоззрения, какой Барнс ценит превыше всего. Сам непревзойденный мастер иронии, Барнс наполняет роман множеством примеров ее живительной силы.

Sunday Times

Руками своего рассказчика Барнс мастерски переплетает противоречия Древнего мира с тревогами дня нынешнего. Нил и его любимая преподавательница рассуждают о стоицизме и романтизме, монотеизме и многобожии, эротике и целомудрии. И в то же время Барнс, как опытный фокусник, показывает нам, на что способна сама проза, без тени навязчивой дидактики разворачивая перед читателем историю больших идей и панораму потаенных чувств. Нежная и пронизательная, игривая и парадоксальная, эта книга — куда больше, чем сумма составляющих ее частей.

Readings

Джулиан Барнс всегда любил размывать границу между прозой художественной и документальной, писать романы, похожие на литературоведческие или исторические работы. Треть его короткого нового романа отведена 50-страничному эссе, посвященному историческим взглядам римского императора Юлиана Отступника, который пытался (неудачно) дать отпор христианству и восстановить в Римской империи язычество.

The Guardian

«Если в романе, а тем паче в биографическом очерке или учебнике истории вам встретится описание какого-либо персонажа, спрессованное до трех обтекаемых эпитетов, не спешите воспринимать такое описание всерьез», — говорит героиня нового романа Джулиана Барнса, прообразом которой в определенной степени послужила Анита Брукнер (старый друг Барнса и тоже букеровский лауреат). Элизабет Финч призывает своих студентов «разграничивать взаимную страсть и разделенную мономанию»,

говорит рассказчику Нилу (бывшему актеру), что «лицедейство — это лучший пример того, как искусственность рождает достоверность», и служит ему «советодательной молнией». Она внушает ему, что нельзя недооценивать силу исторического заблуждения и что «история не будет ждать неподвижно и безучастно, когда мы решим навести на нее подзорную трубу или телескоп; напротив, история — она живая, кипучая, порой даже неудержимая». Причем не только история как наука: к истории отношений, к человеческой истории это тоже относится. Да, исторические экскурсии Элизабет Финч неизбежно напоминают нам о дне сегодняшнем, с Брежневым и прочими напастями, но в первую очередь это роман о скрытых желаниях и разочаровании, о недостижимости прошлого и непонимании между людьми — хорошо знакомая Джулиану Барнсу (и его читателям) территория.

Spectator

Чего у Барнса не отнимешь, так это способности удивлять.

Sunday Times

Барнс рос с каждой книгой — и вырос в лучшего и тончайшего из наших литературных тяжеловесов. Читатель давно и устойчиво сроднился с его сюжетными и стилистическими выкрутасами и не променяет их ни на что.

The Independent

Любителей изящной, умной и афористичной прозы Барнс никогда не разочарует.

The Gazette

Барнс — непревзойденный мастер иронии. Все детали современной жизни он улавливает и передает со сверхъестественной тщательностью.

London Review of Books

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

Фирменное барнсовское остроумие ни с чем не спутаешь.

The Miami Herald

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская
(*Psychologies*)

Посвящается Рейчел

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Она стояла перед нами — ни конспектов, ни книг, ни капли волнения. На кафедре возвышалась ее дамская сумочка. Окинув взглядом аудиторию, преподавательница улыбнулась и после короткой паузы начала лекцию.

— Наш курс, как вы, должно быть, заметили, называется «Культура и цивилизация». Но пусть это никого не пугает. Мучить вас круговыми диаграммами я не собираюсь. Не собираюсь и пичкать вас фактами, как гусей — кукурузой; такого никакая печень не выдержит, да и вообще здоровье пошатнется. Через неделю я предоставлю вам список литературы, осваивать который нет никакой необходимости; выкинув его из памяти, вы не потеряете баллов, как и не заработаете их за счет упорного штудирования. Учить вас я буду как взрослых, коими вы, несомненно, успели стать. Лучшая форма обучения — как завещали нам древние греки — это сотрудничество. Впрочем, в Сократы я никоим образом не мечу, да и вы не Платоны, если в этом случае уместно множественное число. Итак, наше с вами взаимодействие будет выстроено в форме диалогов.

Но поскольку вы далеко не первоклассники, сюсюкать с вами я не собираюсь. Кому-то из вас, наверное, будет со мной нелегко — мы можем не сойтись в плане темперамента и образа мышления. Оговариваю этот момент заранее, чтобы вы знали, к чему готовиться. Само собой, я очень надеюсь, что наши встречи вы будете посещать с интересом, а главное, с удовольствием. Я имею в виду — с удовольствием, доведенным до методичности. Эти понятия, кстати, не так уж несовместимы. Поэтому и вы, смею ожидать, настроены на методичность. Витать в облаках — это не здесь. Меня зовут Элизабет Финч. Благодарю за внимание.

И снова улыбнулась.

Записать мы ничего не успели. Только смотрели на нее во все глаза: кто с благоговением, кто с недоумением на грани досады, а кто почти с обожанием.

Сейчас уже не помню, чему была посвящена та первая лекция. Зато помню призрачное чувство, будто я впервые в жизни оказался в нужном месте.

Как она одевалась. Начнем от самой земли. На ногах броги: зимой — черные, осенью и весной — из коричневой замши. Выше — чулки или колготки: Элизабет Финч никогда не оголяла ноги (невозможно было даже представить ее в купальнике). Юбка чуть ниже колен, наперекор ежегодной тирании моды. Со своим образом она, похоже, давно определилась. Пусть и не целиком,

Часть первая

но все же он перекликался с актуальными тенденциями; однако пройдет еще десятилетие — и его окрестят старомодным либо винтажным. Летом она носила юбку плиссе, обычно темно-синего цвета; зимой предпочитала твид. Иногда надевала клетчатую, типа килта, юбку с массивной серебряной английской булавкой (которую шотландцы, без сомнения, именуют по-своему). Изрядная часть ее преподавательского заработка уходила на блузы из шелка или тонкого коттона, нередко в полоску и без малейшего намека на прозрачность. Временами на них поблескивала брошь, миниатюрная и, как говорится, неброская. Серьги — редкий аксессуар (теперь даже не уверен: были у нее вообще проколоты уши или нет?). На мизинце левой руки — серебряное кольцо: скорее унаследованное, как мы рассудили, чем покупное или дареное. Песочно-пепельного цвета волосы, стрижка объемная и неизменной длины. Видимо, в парикмахерскую она ходила регулярно, раз в две недели. И знаете что: по ее собственному выражению, ей было порой не чуждо притворство. А притворство, как она любила повторять, отнюдь не искажает правды.

Самым младшим из нас, ее студентов, было под тридцать, старшим — чуть за сорок, и тем не менее поначалу мы реагировали на нее по-детски. Нам не давали покоя детали ее прошлого и подробности личной жизни, например почему она — насколько было известно — так и не вышла замуж. Как проводит вечера. Может, готовит омлет с мелко нарубленной зеленью или

балует себя бокальчиком вина (чтобы Элизабет Финчхватила лишку? только если этот мир окончательно сойдет с ума) за чтением свежей подборки статей по творчеству Гёте? Фантазировали мы на всю катушку, причем не без издевки.

Все те годы, пока я имел возможность с нею общаться, она курила. Но опять же: курила на свой собственный манер. Одни смакуют каждую затяжку; другие вместе с никотином вдыхают отвращение к себе; третьим важна сама эстетика курения; а кто-то, опять же, неустанно твердит, что позволяет себе «не больше двух сигарет в день», будто способен держать свою зависимость под контролем. Впрочем — поскольку все курильщики лгут, — «не больше двух» всегда означает три-четыре штуки, а то и полпачки. Но между Э. Ф. и курением взаимосвязи как будто не наблюдалось. Ее привычка не требовала толкования, не была частью имиджа. Сигареты она всегда перекладывала в портсигар из черепахового панциря, словно предлагая нам угадать их марку. Ее стиль курения сообщал о полном равнодушии к этому акту. Понимаете? Никакие расспросы не заставили бы ее оправдываться. Да, сказала бы она, конечно, это зависимость; и разумеется, ей известно о вреде здоровью и об асоциальности данной привычки как таковой. Но нет, бросать она не собирается, а тем более не собирается подсчитывать количество выкуренных за день сигарет; эти темы беспокоили ее менее всего. И поскольку — как я мог заключить

Часть первая

или, скорее, предположить, — поскольку она не знала страха смерти, а жизнь в нынешнем виде считала несколько переоцененной, вопрос курения и в самом деле не входил в круг ее интересов, а стало быть, и не заслуживал обсуждения.

Естественно, всю жизнь ее сопровождали приступы мигрени.

Моему мысленному взору — взору моей памяти, единственному месту, где мне доступно лицезреть Элизабет Финч, — представляется, как она стоит перед нами, неестественно застывшая. Она не прибегала к лекторским фишкам и трюкам, призванным очаровать или огоршить слушателей, а то и продемонстрировать характер. Никогда не жестикулировала, не подпирала ладонью подбородок. Время от времени для иллюстрации некой мысли вставляла слайд в диапроектор, но, как правило, обходилась без этого. Завладеть вниманием аудитории ей помогали два средства: неподвижность и голос. Спокойный, ясный голос, сдобренный десятилетиями курения. Ее нельзя было отнести к тому типу преподавателей, чей контакт со студентами ограничивается изредка отрывающимся от заготовленных конспектов взглядом, а все потому, что, как я уже говорил, она не читала лекции по заготовкам. Весь материал, обдуманый и проанализированный самым тщательным образом, хранился у нее в голове. Это тоже привлекало внимание, уменьшая пропасть между ею и нами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	107
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	177
Благодарности	253
Примечания. <i>А. Гузман, Е. Петрова, З. Смоленская</i>	254